

**ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ
СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ
ГОРНО-ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА¹**

Н. С. Савельев

**SETTLEMENT MONUMENTS OF SCYTHIAN-SARMATIAN
TIME NOMADS IN SOUTHERN MOUNTAIN
AND FOREST AREA OF SOUTH URAL**

N. Savelev

Ключевые слова: Южный Урал, горно-лесная зона, палеоэкологическая реконструкция, горная лесостепь, кочевники скифо-сарматского времени, освоение территории, комплексный скотоводческо-охотничий уклад

В статье приводятся данные по всем известным к настоящему времени поселенческим памятникам кочевников второй половины I тыс. до н.э., которые расположены в горно-лесной зоне южной части Уральской горной страны, преимущественно в горной долине верхнего течения р. Белая. Особенности керамики позволяют датировать их концом V – IV вв. до н.э. и говорить о том, что горы осваивались кочевниками преимущественно из степей Южного Зауралья. Судя по палеоэкологическим данным, проникновение номадов на 50-100 км вглубь гор шло в период сильного усушения горной лесостепи; современные леса на этой территории появились значительно позже. Различная топография, разнотипность памятников и их широкое распространение в южной части горной зоны свидетельствуют о формировании во второй половине I тыс. до н.э. особого хозяйственно-культурного типа кочевников горно-лесостепной зоны с комплексным скотоводческо-охотничьим укладом и проживанием малыми группами.

Keywords: South Urals, the mountain-forest zone, paleo environmental reconstruction, mountain steppe, nomadic Scythian-Sarmatian time, development of the territory, integrated ranching and hunting lifestyle

The article presents data on all known to date settler monuments of nomads of second half of I millennium BC, located in the mountain-forest zone of the southern part of the Urals mountain country, especially in the mountain valley of the upper reaches of the White river. Features of ceramics allow us to date them by the end of V – IV centuries BC. We can say that the mountain zone absorbed mainly nomads from the steppes of South Ural. Judging by the paleoecological data, the penetration of nomads 50-100 kilometers into the mountains occurred during a period of strong dessication on mountain forests; modern forests in this area have appeared much later. Varied topography, diverse nature of monuments and their widespread use in the southern part of the mountain area indicate the formation during the second half of the I millennium BC of a special economic-cultural type nomadic of mountain-steppe zone dwellers with a complex pastoral-hunting way of life and living in small groups.

Археологические данные по заселению и освоению южной части горно-лесной зоны Южного Урала (под которой понимается та часть горной области, которая лежит южнее полосы высокогорий и дренирована в основном р. Белой) в древности и средневековье до сих пор являются крайне отрывочными. Несмотря на ряд разведочных обследований, в настоящее время можно говорить о понимании только лишь отдельных и наиболее общих или ярких моментов истории этой до сих пор труднодоступной территории. Пожалуй, к наиболее разработанным сейчас можно отнести вопросы, связанные с эпохой раннего железа.

Материалы, полученные в горном течении Белой, свидетельствуют о том, что в основном заселение этого 300-километрового участка реки происходило с двух противоположных сторон – с севера, из Зауралья, и с юга, из Приуралья. Первый вектор связан с проникновением в первой половине I тыс. до н.э. в верховья реки (вероятно – через островную Белорецко-Серменевскую лесостепь) гамаюнских и, возможно, иткульско-гамаюнских групп населения, которые продвигаясь вниз по течению Белой, освоили практически всю ее долину до выхода из гор. Второй вектор связан с продвижением вверх по течению Белой из предгорной ле-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и ФФИ АН РБ, проект 14-11-02008.

состепи Южного Приуралья носителей курмантауской культуры, начало этого процесса относится примерно к VI в. до н.э. Судя по имеющимся на сегодняшний день материалам, курмантауское население освоило горную долину реки на расстояние более 100 км [Савельев, 2011б. С. 61]. В северной части описываемой территории на двух близлежащих памятниках (стоянки Кага-1 и Бельский-1) также зафиксировано достаточно большое количество керамики кара-абызской культуры [Там же. С. 46-47], что свидетельствует о прямом проникновении в горы, более чем на 100 км к востоку-востоку, приуральского лесостепного населения середины – второй половины I тыс. до н.э.

Наряду с гамаюнским, курмантауским и кара-абызским, в горной долине р. Белая на основе керамики может быть выделен еще один этнокультурный ареал – кочевнический, относящийся к ранней стадии прохоровской (раннесарматской) культуры. В предшествующих (в основном – обзорных) работах большая часть этой керамики атрибутировалась как гафурийская приуральская и только некоторые фрагменты со специфической орнаментацией относились к сарматским [см. напр.: Котов, Савельев, 2003. С. 129-130; Савельев, 2011б. С. 52]. В ряде случаев культурная принадлежность не определялась, отмечалось только, что такие формы и орнаменты встречаются как в раннепрохоровском, так и в гафурийском керамических комплексах [Там же. С. 58; Котов, Савельев, 2003. С. 131]. Дальнейшее накопление материалов из горно-лесной зоны и уточнение вопросов, связанных с происхождением гафурийского культурного типа, позволяют считать рассматриваемую керамику именно кочевнической, связанной своим происхождением с Южным Зауральем. Ниже приводится описание известных к настоящему времени памятников, содержащих керамику или иные находки кочевнического облика.

Стоянка Атиково-1

Обследовалась в 2012 г. разведочным отрядом Центра охраны памятников МК РБ по информации, полученной от местных жителей².

Расположена в 10 км к юго-востоку от д. Атиково Бурзянского района РБ и в 8 км к востоку от д. Кызлар-Бирган Зилаирского района РБ, в 13 км по прямой к югу от долины р. Белая и в 3,8 км к юго-западу от левого берега р. Кана (левый приток р. Белая), на правом берегу небольшого ручья, являющегося левым притоком р. Шакулá, впадающей в р. Кана. Площадка памятника приурочена к поляне у истока ручья, находится на привершинной части холмистого плато, на высоте около 200 м от уровня р. Кана (урез воды – ≈350 мБС), в 0,5 км к востоку от возвышенности 612,1 мБС. Территория полностью покрыта широколиственными леса-

ми, но на привершинных частях возвышенностей распространены крупные поляны (от 0,5×0,5 км и более), объединяемые перемычками в безлесые массивы протяженностью 5-7 км. В настоящее время они используются в качестве пастбищ и сенокосов. В физико-географическом отношении данная территория относится к северной оконечности низкогорного Зилаирского плато.

При противопожарной опашке края поляны над руслом ручья местными жителями в 2011 г. были найдены фрагменты керамики. На следующий год сборы осуществлялись отрядом НПЦ МК РБ. Установлено, что все находки встречаются на площади не более 7×3 м. Также вокруг этого места заложено 5 шурфов размерами по 1×1 м, какие-либо находки в них отсутствуют. Шурфы показали, что на глубине 0,15 м от современной поверхности начинается скальное основание.

Всего найдено 20 фрагментов керамики, относящихся к трем сосудам, какие-либо иные находки отсутствуют.

Сосуд 1 представлен 15 фрагментами средней части, днище и шейка отсутствуют (рис. 2, 19). Сосуд широкогорлый, со слабо раздутым туловом, максимальный диаметр тулова 35 см. Верхняя часть плеча орнаментирована шестью узкими каннелюрами, ниже них нанесена нерегулярная косая решетка из вертикальных и наклонных резных линий. Орнаментальная зона заканчивается многорядными резными висячими треугольниками, выполненными очень небрежно. Шейка сосуда, судя по линии слома, имела значительное утолщение. Толщина стенок 7-9 мм, тесто плотное, однородное, с большой примесью мелкотолченого талька. Поверхности серо-коричневого цвета, внутренняя покрыта нагаром равномерно, снаружи нагар присутствует крупными аморфными пятнами, все они ниже зоны орнамента.

Сосуд 2 представлен двумя фрагментами стенок, тесто плотное, заталькованное, с примесью крупнотолченого талька, наружная поверхность светло-коричневая, внутренняя – серая (рис. 2, 18). Толщина фрагментов 7-10 мм. Фрагменты стыкуются, относятся к верхней части тулова слабопрофилированного сосуда. Сохранившаяся часть орнамента представлена крупными висячими резными треугольниками, заполненными горизонтальными рядами подтреугольных наколов.

Сосуд 3 – три не стыкующиеся между собой неорнаментированные стенки красно-коричневого цвета с примесью шамота и мягкой дресвы.

Судя по количеству, составу и площади распространения находок, месту расположения и мощности рыхлых отложений, данный памятник может быть определен как кратковременная стоянка.

² Благодаря научных сотрудников НПЦ МК РБ информации и разрешение ее опубликовать.

Р.Р. Насретдинова и Д.З. Гизатова за предоставленную

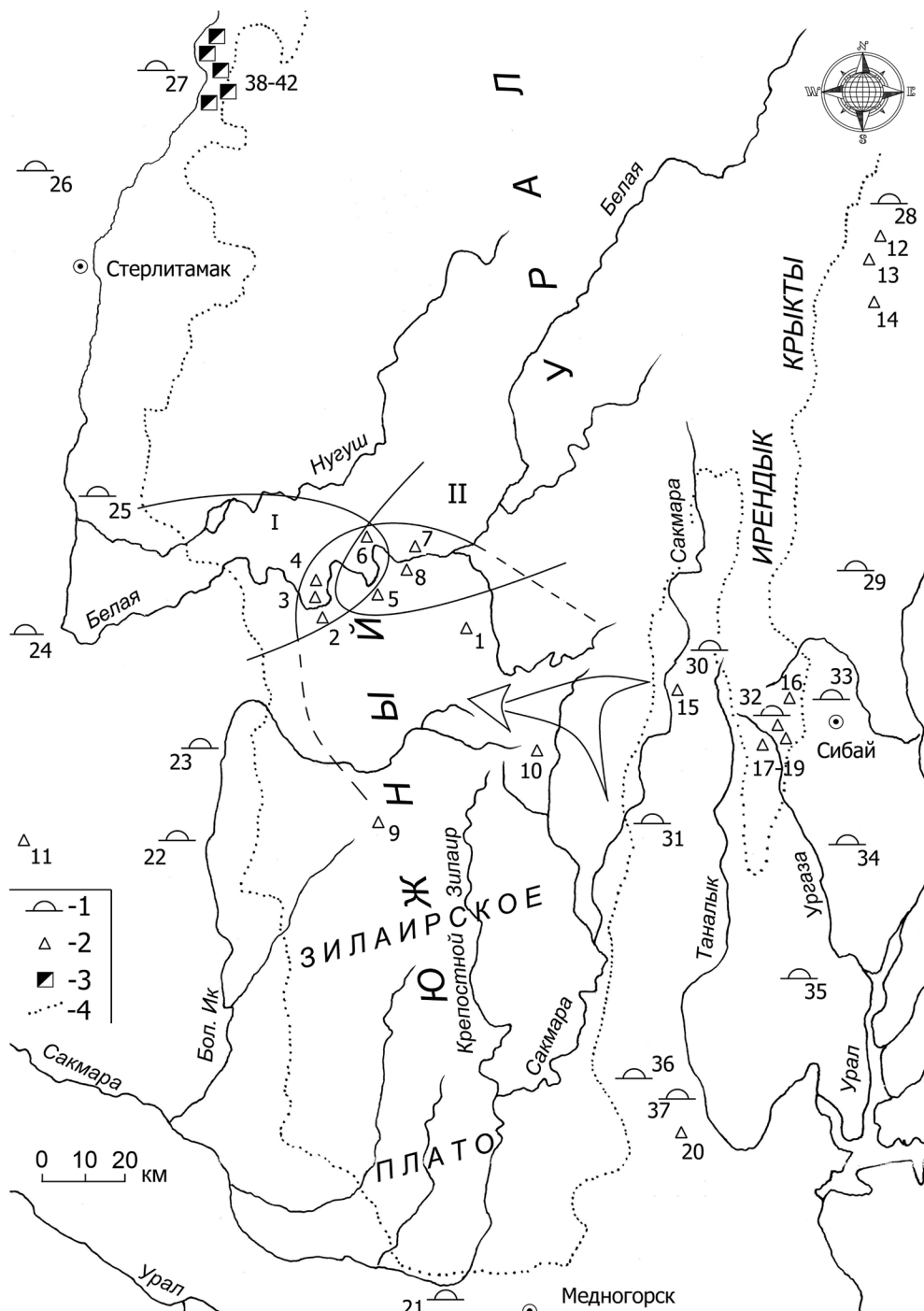

Рис. 1. Поселенческие и погребальные памятники Южного Урала середины – второй половины I тыс. до н.э.

Стоянки ранних кочевников горно-лесной зоны (2): 1 – ст. Атиково-1; 2 – ст. Безымянная (Казамыш); 3 – Акбутинская пещера (Байсланташ); 4 – ст. Акбута-2; 5 – Ташмуруновский грот; 6 – пещера № 9 (Балатукай); 7 – ст. Акбулатово-2; 8 – ст. Шульганово-5; 9 – пещера у д. Чуюнчи-Чупаново; 10 – местонахождение на р. Крепостной Зилаир

Стоянки ранних кочевников степной и горно-степной зон (2): 11 – местонахождение на р. Курюргаза; 12 – пос. Сабакты-3/5; 13 – пос. Банное-5 (Березки); 14 – ст. Елимбетово-3; 15 – местонахождение Лаимберды-5; 16 – пос. Улек-Хазы-2; 17-19 – стоянки долины р. Ургаза (Юмаш-тау-6, Улак-2, Баишево-26); 20 – ст. Ташла Левобережная

Курганы и курганные могильники ранних кочевников (1): 21 – Гумарово; 22 – Каскиново; 23 – Канакас; 24 – Ново-Мусино; 25 – Береговка; 26 – Асавбашево; 27 – Леканды; 28 – Муракаево; 29 – Альмухаметово; 30 – Тавлыкаево; 31 – Комсомольский; 32 – Манхар-1-2; 33 – Сибай-1-2; 34 – Сосновка; 35 – Валитово, Исянгильдино; 36 – Яковлевка; 37 – Переволочан-1-2

Гафурийско-кара-абызские поселения (3): 38 – Табынское городище; 39 – Воскресенское городище; 40 – Касьяновское городище; 41 – Михайловское городище; 42 – Курмантаевское городище (4 – граница горной области Южного Урала)

I – ареал памятников курмантауской культуры; II – ареал иткульско-гамаюнских памятников

Стоянка Акбулатово-3

Стоянка открыта в 1962 г. отдельным разведочным отрядом экспедиции ИА АН СССР под руководством О.Н. Бадера (рук. отряда А. П. Шокуров), в задачу которого входило обследование ближайшей округи пещеры Шульган-Таш (Каповой). Первоначальное название – «Акбулатовская 3 стоянка». А. П. Шокуровым был заложен шурф размером 2×2 м, в котором были найдены кремневые изделия (наконечники стрел, скребок, сколы и др.), а также фрагменты сосудов эпохи раннего железа [Шокуров, 1962-А. Л. 63]. В 1965 г. им же (в этом году А. П. Шокуров также руководил разведочным отрядом «палеолитической экспедиции АН СССР» [Он же, 1965-А. Л. 4]) памятник был обследован повторно, когда рядом с первым шурфом дополнительно был заложен еще один шурф (по отчетным данным его размеры составляют 2×4 м) [Там же. Л. 13-15]. При составлении «Археологической карты Башкирии» стоянка переименована в «III Ново-Акбулатовскую», а керамика, в след за А. П. Шокуровым, отнесена к курмантаускому типу [АКБ, 1976. № 1526. С. 171]. Материалы эпохи раннего железа данного памятника (под названием «Стоянка Ново-Акбулатово-3») опубликованы [Савельев, 2011а. С. 51-52]. В 2013 г. работы на стоянке были возобновлены, что позволило установить многие не ясные ранее детали, выправить накопившиеся ошибки, а также вернуться к первоначальному наименованию памятника.

Стоянка находится в 1,5 км западнее д. Акбулатово (Ново-Акбулатово) Бурзянского района РБ, на мысу третьей надпойменной террасы правого берега р. Белая на правом берегу ручья, в его устье, в 5,15 км к юго-востоку от д. Гадельгареево, в 1,3 км к востоку от входа в заповедник «Шульган-Таш». Расстояние до реки составляет 50 м, высота над урезом воды около 13-15 м (286,0 мБС). Площадка мыса имеет уклон около 5-10° в сторону ручья и реки, поверхность задернована и поросла вторичным смешанным лесом. В южной части площадки зафиксированы две ямы размером 2×2 м и глубиной более 1 м, ориентированные по сторонам света (незасыпанные шурфы А. П. Шокурова 1962 и 1965 гг.).

Относительно пологая мысовидная площадка имеет дуговидную форму и размеры 70×70×40 м (около 3000 м²), севернее начинается крутой залесенный склон возвышенности 588 мБС, наивысшая точка которой находится в 2 км к северу от реки. На противоположном берегу ручья расположен небольшой мысовидный выступ (стоянка Акбулатово-3а, гамаюнская культура), за которым начинается крутой склон, переходящий в отвесные скалы высотой 120 м

от уровня воды. На противоположном берегу р. Белая находится участок ровной частично покрытой луговиной поймы размером 2×0,3 км и высотой 7-8 м от уровня воды, сформированный на повороте реки (т.н. «Куалломатская поляна»). С запада и востока этот ровный мыс выклинивается подходящими непосредственно к берегу залесенными горами.

За все годы исследований на стоянке заложено 7 шурфов: 2 шурфа по 2×2 м – в центре мыса и 5 шурфов по 1×1 м – вокруг них, при этом один (№5) – на стрелке мыса, а остальные – к северу от них, выше по склону. Находки относятся к эпохам палеолита, неолита и раннего железа. Эпоха раннего железа представлена керамикой гамаюнской, курмантауской [Савельев, 2011а. Рис. 4, 1-3; 5, 1] и ананьинской [Там же. Рис. 4, 5] культур. По наличию шнуровых отпечатков один сосуд является курмантауско-ананьинским [Там же. Рис. 5, 2]. К раннекочевническим могут быть отнесены 2 сосуда из шурфов 1960-х гг. и несколько фрагментов из шурфа № 5 2013 г.

Сосуд 1 выделен на основании единственного фрагмента массивной стенки, происходит из шурфа 1962 г. [Шокуров, 1962-А. Рис. 9 на л. 65] (рис. 2, 17). Орнамент сохранился частично, представлен горизонтальным рельефным бордюром, рассеченным почти вертикальными гладкими вдавлениями. Поверхность фрагмента красно-коричневая, в тесте примесь талька. Данная специфическая орнаментация известна только для памятников зауральского ареала расселения кочевников V-IV вв. до н.э. (Муракаево, ОК Майлыбай-2, пос. Сабакты-3/5) и в трансформированном виде проявляется в наследующей ей гафурийской керамике лесостепи Южного Приуралья [Савельев, 2008а. С. 133]. Вероятно, данный орнаментальный мотив должен датироваться не позже конца IV века до н.э.

Сосуд 2 представлен фрагментом утолщенного в средней части венчика от крупного плавно-профилированного сосуда с очень низкой шейкой (рис. 2, 16). Найден в шурфе 1965 г. [Шокуров, 1965-А. Рис. 4 на л. 14]³. Срез венчика плоский широкий, орнаментирован группами разнонаправленных насечек. Поверхность фрагмента красно-коричневая, в тесте примесь кварцевой дресвы и талька. Плоский срез утолщенного венчика и его орнаментация группами насечек является архаическим признаком для гафурийской керамики лесостепи Южного Приуралья, встречающимся исключительно на южной периферии кара-абызского ареала (городища Табынское, Курмантаевское, Касьяновское и Воскресенское) [Пшеничнюк, 1983а] и свидетельствующим о

³ В фондах Октябрьского историко-краеведческого музея (ОИКМ), где хранятся почти все материалы из разведок А. П. Шокурова, коллекция из шурфа 1965 г. со стоянки Акбулатово-3 ошибочно включена в коллекцию стоянки Акбулатово-2 (Заповедник), что нашло отражение и в первоначальной публикации этих материалов [Савельев, 2011а. С. 54-55. Рис. 5, 1-3].

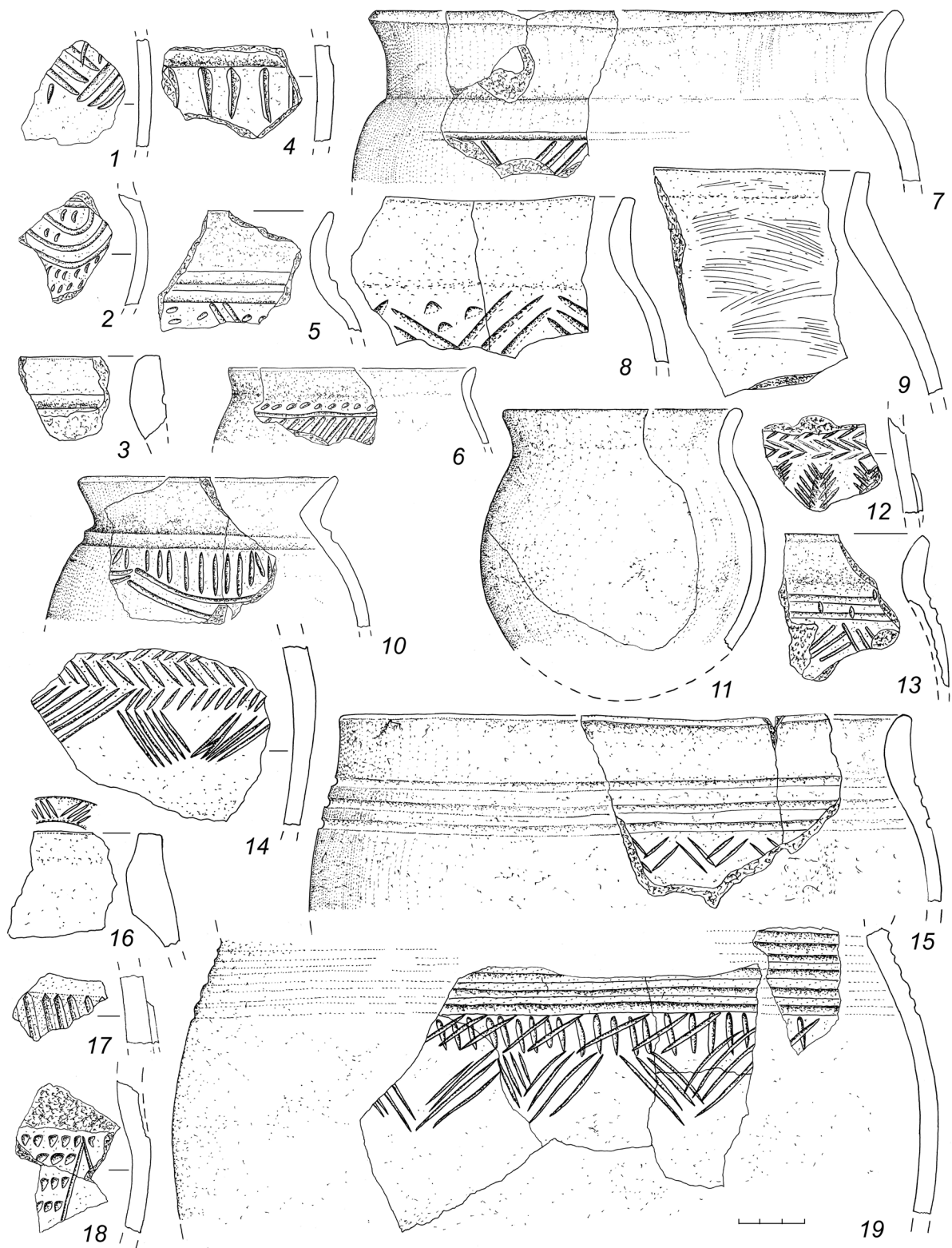

Рис. 2. Керамика сарматских поселенческих памятников горно-лесной зоны Южного Урала:
 1-7 – пещера Байсланташ (Акбутинская); 8-9 – пещера № 9 (Балатукай); 10 – местонахождение на р. Крепостной Зилаир;
 11-13 – Ташмуруновский грот; 14 – ст. Акбута-2; 15 – ст. Безымянная (Казамыш); 16-17 – ст. Акбулатово-2;
 18-19 – ст. Атиково-1

формировании этого типа керамики непосредственно на основе т.н. «раннесарматской тальковой» [Савельев, 2008а. С. 133]. Первоначально отнесен к гафурийскому типу [Он же, 2011а. С. 55].

В шурфе № 5 (2013 г.), расположенном не более чем в 10 м к югу от шурфов 1960-х гг., к раннекочевническим относятся 10 неорнаментированных стенок сосудов, что составляет 11% от всех находок керамики в данном шурфе. На фоне всех остальных находок резко выделяется своим внешним видом и однородностью: поверхности серо-коричневые, тесто плотное, загалькованное, с нагаром на внутренней стороне. Залегает в едином культурном слое (гл. -10 – -40 см) с керамикой курмантауской и гамаюнской культур (соотв. 32 и 54% всех находок керамики в шурфе), распределение по глубинам равномерное.

Заложение на площадке стоянки 7 шурфов позволило установить, что пятно культурного слоя эпохи раннего железа приурочено исключительно к стрелке мыса, его размеры не более 400-500 м² (20-25×20-25 м). В первой половине – середине I тыс. до н.э. (т.е. носителями гамаюнской и курмантауской культур) данная площадка являлась небольшим базовым поселением охотников и рыболовов. Об этом свидетельствует достаточно насыщенный культурный слой, наличие керамического и кремневых скребков, наконечников стрел, сланцевых ножей, прочих изделий из кремня, присутствие сильно раздробленной керамики, а также сами топография площадки и особенности рельефа окружающей территории. Ранние кочевники, судя по крайне немногочисленным находкам, использовали данную площадку в качестве кратковременной (сезонной?) охотничьей (?) стоянки.

Судя по данным споро-пыльцевого анализа из шурфов 1 и 4 (Институт геологии УНЦ РАН, к.б.н. Р.Г.Курманов, 2013), в первой половине I тыс. до н.э. или немного ранее (вероятно – еще до освоения площадки гамаюнским населением), данная территория и окружающие пространства были покрыты березовыми лесами с небольшой примесью липы и сосны. Примерно в средней части отложений эпохи раннего железа (в интервале от -25 до -15 см) происходят резкие изменения: на 15% падает количество пыльцы древесных растений (с 39 до 24%), в 2-3 раза снижается количество пыльцы березы (для шурфа 1 – с 37,3 до 12,2%; для шурфа 4 – с 66 до 36,2%) и в 5-6 раз возрастает количество пыльцы сосны (для шурфа 1 – с 1,7 до 8,5%; для шурфа 4 – с 3,8 до 25,9%). Эти данные достаточно наглядно свидетельствуют о значительных и очень быстрых климатических и ландшафтных трансформациях, произошедших на данном участке (по меньшей мере) горно-лесной зоны Южного Урала примерно в середине I тыс. до н.э., выразившихся в снижении облесен-

ности территории и общем потеплении (аридизации?) климата. Важной особенностью является и то, что именно с этого момента в обоих спектрах по составу трав начинает фиксироваться антропогенная пастбищная нагрузка, что может быть связано только с интенсивным использованием под пастбищу скота расположенной на противоположном берегу реки Куалломатской поляны.

Ближе к современности (СП-1 - -5 см) пыльца древесных растений снова возрастает до 42%, количество пыльцы березы падает в 1,5 раза (до 8,2% в шурфе 1 и до 24,1% в шурфе 4), а пыльца сосны возрастает в 1,5-3,5 раза (до 30,9% в шурфе 1 и до 38,0% в шурфе 4).

Стоянка Шульганово-5

Находится в 5,5 км к югу-юго-востоку от д. Гадельгареево и в 2,7 км к западу от д. Акбулатово (Новоакбулатово) Бурзянского района РБ, в 0,45 км к юго-востоку от кордона заповедника «Шульган-Таш» и в 1 км к западу-юго-западу (т.е. ниже по течению р. Белая) от стоянки Акбулатово-3. Стоянка находится на левом берегу р. Белая, на полностью залесенном подтреугольном мысовидном выступе террасы, ограниченном поймой реки и левым берегом приустьевой части ручья Кизяк, текущем каскадами в глубоком ущелье. С юга и востока мысовидная площадка ограничена крутыми каменистыми склонами возвышенности 412 мБС. Высота площадки памятника – 9 м над урезом воды в реке (275 мБС), размеры площадки около 70×70 м. Максимальная высота окружающих гор – 594,2 (в 4 км к северу-северо-востоку) и 546,0 мБС (в 2 км к югу-юго-западу), т.е. 260-320 м от уровня воды в р. Белая.

Памятник выявлен в 2013 г. при обследовании окрестностей пещеры Шульган-Таш (Капова). На мысовидной площадке заложено 5 разведочных шурфов размерами 1×1 м, во всех присутствовал археологический материал. Мощность культурного слоя составляет 0,3-0,4 м, находки представлены изделиями из кремня, яшмы и кварцито-песчаника и фрагментами разнокультурной керамики. Судя по ней, памятник относится к гамаюнской культуре (77,5% найденных фрагментов сосудов), в верхних горизонтах двух шурфов встречается керамика курмантауской культуры (15,5%). Преимущественно в верхних горизонтах трех шурфов найдены 4 фрагмента (7% от всех находок фрагментов керамики на стоянке) неорнаментированных стенок серого и коричневого цвета с большой примесью талька в тесте. По внешнему виду и составу теста данные фрагменты сильно отличаются от остальной керамики стоянки (для гамаюнской культуры характерна примесь кварцитовой дресвы и шамота, в ряде случаев – с большим или меньшим содержанием слюды, для курмантауской – органики), но не отличаются от раннекочевнической кера-

мики с примесью талька с рядом расположенной стоянки Акбулатово-3.

Полученные материалы свидетельствуют о том, что в первой половине – середине I тыс. до н.э. (для населения гамаюнской культуры) данная площадка являлась небольшим базовым поселением охотников и рыболовов, о чем свидетельствует достаточно насыщенный культурный слой и разнообразие находок. Синхронно с гамаюнским населением, или, что более вероятно, несколько позднее, часть площадки кратковременно использовалась носителями курмантауской культуры. Ранними кочевниками данная площадка также использовалась в качестве кратковременной (сезонной?) охотничьей (?) стоянки.

Пещера Балатукай

Памятник выявлен в 1961 г., первоначальное название – «Пещера № 9» [АКБ, 1976. С. 170. № 1518], исследовался в 1961 и 2004 гг. Расположен в 8 км к юго-западу от д. Гадельгареево (Шульганово) Бурзянского района РБ, на правом берегу р. Белая вблизи вершины скалы в излучине реки (высота над уровнем реки около 90 м), между урочищами Балатукай и Аксыир, в 7 км ниже по течению реки от пещеры Шульган-Таш (Каповой). Склон от пещеры к реке крутой (около 60°), но к ней ведет натоптанная тропа, т.к. ее вход хорошо виден с воды. Размеры входа 12×7 м, привходовая часть хорошо освещена, сухая, ее размеры 8×3 м, пол наклонный, далее пещера продолжается узким ходом [Котов, 2005-А].

В 1961 г. у северной стенки около входа в пещеру был заложен шурф размерами 2×1 м, в котором «на глубине 40-80 см найдена керамика, близкая кара-абызской» [АКБ, 1976. С. 170. № 1518] («напоминает керамику городища Кара-Абыз» [Шокуров, 1961-А. Л. 113]). Вся керамика залегала в зольном слое, какие-либо находки более позднего времени отсутствуют. В 2004 г. В.Г.Котовым в пещере выявлен культурный слой эпохи палеолита. Коллекция находок 1961 г. представлена 8 фрагментами керамики [Савельев, 2011а. С. 56], из них 4 фрагмента относятся к двум крупным сосудам (рис. 2, 8, 9).

Сосуд 1 имеет низкую слабо отогнутую шейку, пологое плечо (вероятное максимальное расширение тулова – в его средней или нижней части), плоский срез венчика и значительное утолщение верхней части тулова с внутренней стороны (рис. 2, 9). Орнамент отсутствует, наружная поверхность покрыта расчесами. В тесте большая примесь талька.

Сосуд 2 имеет слабо отогнутую дуговидную шейку с пологим утолщением с внутренней стороны, раздутое тулово с выраженным плечом и плоский срез венчика (рис. 2, 8). Орнамент нанесен по верхней части плеча, состоит из трехрядного горизонтального зигзага («висячие» тре-

угольники), сделанного длинным листовидным штампом, и угловых вдавлений внутри треугольников. Наружная поверхность серого цвета, внутренняя поверхность покрыта нагаром, в тесте большая примесь талька.

Данные сосуды первоначально были атрибутированы как гафурийские, т.е. лесостепные приуральские [Там же], однако дальнейшее накопление материала по горно-лесной зоне, его однородность и технологические признаки позволяют говорить о зауральском степном, именно раннекочевническом происхождении.

На поверхности пола привходового зала в 2004 г. также было найдено 2 неорнаментированные стенки лепных сосудов, аналогичных по фактуре и примесям описанным выше. В этом же году в глубине привходового зала был заложен еще один шурф (2×1 м), установленная мощность культурного слоя – 1,2 м, в верхней его части, до глубины 50 см, в отложениях присутствуют колотые кости животных и многочисленные угольки, а на глубине 10 см шурфом частично была вскрыта линза кострища. В нижней части культурного слоя зафиксировано наличие каменных изделий эпохи палеолита.

Полученные в 1961 и 2004 гг. данные позволяют говорить об использовании в эпоху раннего железа привходового зала пещеры в качестве кратковременной стоянки. Наличие среди находок исключительно раннекочевнической керамики при достаточно мощном – до полуметра – слое со следами кострищ, вероятно, может свидетельствовать также о кратковременном посещении пещеры как в предшествующее, так и последующее (в рамках голоцена) время.

Ташмуруновский грот

Выявлен в 1999 г. В.Г.Котовым, исследовался им же в 2000 г. Полученные археологические, остеологические и биостратиграфические материалы опубликованы [Котов, Савельев, 2003; Косинцев, 2003; Яковлев и др., 2004].

Грот расположен на низком правом берегу р. Иргизла, в основании горы Ташмурун (Каменная) в 15 м от берега и в 150 м к югу от д. Иргизлы (Бурзянский р-н РБ), немного ниже по течению от впадения в нее небольшого притока – р. Сияк. Высота близлежащих гор от подножья составляет не более 150-250 м, все они кольцом окружают большую ровную долину, образованную в приустьевой части Иргизлы при впадении ее в р. Белая.

Длина полости 12 м, глубина 5 м, наибольшая высота 3,5 м, форма ее подтреугольная как в плане, так и в профиль. Вход обращен на юг, к берегу реки, его внутренняя часть освещенная и относительно сухая. Снаружи грот до берега реки продолжался хорошо выраженным мысом размером около 15×15 м и высотой около 2 м над уров-

нем воды. К моменту проведения работ вся эта часть была полностью разрушена строительством дороги и исследовались отложения только внутри самого грота. Вскрыта вся сохранившаяся часть грота (24 м²), культурный слой приурочен к гумусированной супеси, ее мощность до 1,3 м. Археологический материал представлен значительным количеством фрагментов керамики (не менее 49 сосудов), многочисленными изделиями из кости, металла и камня. Находки датируются эпохами энеолита, поздней и финальной бронзы, раннего железа, раннего и развитого средневековья.

К эпохе раннего железа в Ташмуруновском гроте относятся два разновременных комплекса – курмантауский (9 сосудов) и кочевнический (7 сосудов), распределявшихся относительно равномерно по верхней части культурного слоя (горизонты 1-3). Стратиграфические данные свидетельствуют об отсутствии выраженного слоя этого времени и, вероятно, переотложенности керамики. Какие-либо иные, кроме керамики, находки кочевнического облика в гроте отсутствуют.

Сосуд 1 представлен двумя фрагментами верхней части тулова (рис. 2, 12). Керамика плотная, однородного серого цвета, в тесте примесь песка и мелкотолченого талька. Место перегиба от шейки к тулову орнаментировано резной горизонтальной елочкой, ниже расположены отдельные вертикальные елочки вершинами вниз, нанесенные на вытянутые овальные налеты. Данная специфическая орнаментация характерна исключительно для кочевников Южного Зауралья V-IV вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1983б. Табл. XLVII, 11-12; 1987. С. 74. Рис. 3; Савельев, 1998. С. 55. Рис. 2, 11; 2000б. Рис. 2, 8; Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 32, 43]. Как уже отмечалось, ни в зауральской лесостепной, ни в гафурийской керамике традиция налета на плечо сосуда вертикальных овальных либо прямоугольных валиков не известна [Котов, Савельев, 2003. С. 129-130] (также см. ниже, прим. 5).

Сосуды 2-5 (рис. 2, 13) характеризуются плавноутолщенной шейкой, выраженным ребром на перегибе с внутренней стороны и орнаментом из мягких каннелюр и многорядных резных треугольников по тулову. Первоначально данные сосуды были атрибутированы как приуральские лесостепные, относящиеся к гафурийскому комплексу [Там же. С. 130-131. Рис. 7, 2, 5], однако дальнейшее накопление и анализ материала показывают, что и по форме, и по орнаментации эти сосуды ничем принципиально не отличаются от раннесарматской керамики. Многорядные резные треугольники по верху тулова, широко распространившиеся в лесостепной гафурийской керамике вследствие стандартизации и обеднения первоначального более сложных орнаментальных схем [Савельев, 2000а; 2008; 2014], прине-

сенных из степи, хотя и в небольшом количестве, но известны и в собственно кочевнических погребальных памятниках середины I тыс. до н.э. [Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 9, 23; Пшеничнюк, 1983б. Табл. XXXVII, 9; Гуцалов, 2004. Табл. 8, 25; Сиротин, 2010. Рис. 7, 6; Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 1, 13; 21, 4].

Сосуды 6-7 (рис. 2, 11) шаровидные, относительно широкогорлые, плавнопрофилированные, с дуговидно отогнутой невысокой шейкой, тесто плотное, с примесью шамота и мелкотолченого талька, цвет темно-серый с черными пятнами нагара [Котов, Савельев, 2003. Рис. 7, 1, 4]. Орнамент отсутствует. Данная форма является одной из наиболее распространенных в кочевнической керамике середины I тыс. до н.э., в т.ч. среди них встречаются и сосуды без орнамента [см. напр.: Смирнов, 1977. Рис. 5, 8; 12, 7; Савельев, 2000б. Рис. 2, 7; Сиротин, 2010. Рис. 5, 5; Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 32, 7, 23]. Плавнопрофилированные шаровидные неорнаментированные сосуды с невысокой шейкой также известны и в более поздних памятниках развитой прохоровской культуры [см. напр.: Там же. Рис. 14, 24; Гуцалов, 2006. Рис. 9, 4], но в них отсутствует примесь талька.

Большое количество полученных материалов различных эпох позволило установить, что грот на всем протяжении его использования являлся специализированной промысловой стоянкой [Котов, Савельев, 2003. С. 133], при этом охота была комплексной – пушной и мясной с усилением пушного направления в поздний период [Косинцев, 2003. С. 161]. Однако из-за частичной переотложенности культурного слоя и единичности находок, выделить остеологический комплекс непосредственно эпохи ранних кочевников невозможно. В целом, отложения горизонтов 2-3 (от эпохи бронзы до раннего средневековья) свидетельствуют об охоте на косулю (33,5%), медведя (30,8%), бобра (17,3%), куницу (7,9%) и барсука (4,4%), при этом именно к горизонту 2 происходят ощутимые изменения в составе добываемых животных: кости косули увеличиваются на 50%, медведя – сокращаются на 25%, бобра – сокращаются на 20%, куницы – увеличиваются на 50%, барсука – падают более чем в 2 раза [Котов, Савельев, 2003. С. 135]. Также в отложениях грота присутствуют кости птиц (глухаря, тетерева, куропатки, кулика и гуся) [Косинцев, 2003. С. 161]. Судя по биостратиграфическим данным, в начальный период позднего голоцена (около середины I тыс. до н.э.) растительность в окрестностях была представлена смешанным сосново-березовым лесом с высокой долей открытых местообитаний и прогреваемыми склонами с лесостепной растительностью или остепненными участками [Яковлев и др., 2004. С. 102-105].

Полученные археологические и палеозоологические материалы свидетельствуют о том, что

ранние кочевники использовали грот в качестве кратковременной (возможно – неоднократной) охотничьей стоянки. Судя по срокам забоя животных, охота велась как в весенне-летний, так и в осенне-зимний период [Косинцев, 2003. С. 161].

Стоянка Акбута-2

Выявлена в 1961 г. разведочным отрядом под руководством А. П. Шокурова [Шокуров, 1961-А. Л. 98-99; АКБ, 1976. С. 169-170. № 1514]. Расположена в 100 м к западу от окраины бывшего х. Акбута Мелеузовского района РБ, в 14 км к юго-западу по прямой от д. Иргизлы Бурзянского района РБ и в 30 км ниже по течению р. Белая от нее, в 20 км по прямой к востоку от края горно-лесной зоны (около 50 км по течению р. Белая), на ровном безлесом участке 5-метровой террасы правого берега реки (высота около 250 мБС). Размеры равнинного участка 1×0,2 км, окружен залесенными горами высотой 460-570 мБС (т.е. около 215-325 м от уровня реки).

По данным А. П. Шокурова, «В осыпях и зачистке берега собрано несколько кремневых отщепов и обломки керамики андроновского типа» [1961-А. Л. 98]. Данная коллекция под названием «Акбутинские находки» хранится в Октябрьском историко-краеведческом музее [Савельев, 2011а. С. 58]. Из пяти фрагментов керамики три стенки относятся к одному крупному сосуду (рис. 2, 14). Орнамент нанесен на верхнюю часть тулова, представляет собой широкий бордюр горизонтальной резной елочкой, завершающийся снизу многорядным горизонтальным зигзагом. Цвет фрагментов красно-коричневый, тесто заталькованное.

Данная орнаментация встречается как на раннесарматской степной, так и на гафурийской приуральской лесостепной керамике. Очень близкие аналогии присутствуют также на кочевнической керамике горно-лесной зоны (рис. 2, 12, 19). Наличие ряда архаических признаков (большая примесь талька, размашистая елочка, утолщение тулова в верхней части) позволяет датировать этот сосуд по меньшей мере не позднее конца IV века до н.э.

Судя по топографии площадки и единичности находок, данный памятник является кратковременной скотоводческой (?) стоянкой.

Пещера Байсланташ (Акбутинская)

Выявлена в 1961 г., расположена в отвесных скалах в 1 км к западу от бывшего хутора Акбута Мелеузовского района РБ и в 20 км к востоку от края гор (около 50 км по р. Белая до места ее выхода из горного каньона), на правом берегу р. Белая, над большим глубоким омутом. На расстоянии до 1 км вокруг пещеры какие-либо от-

носительно крупные выровненные площадки по берегу реки отсутствуют. Окружающие горы залесенные, высотой 460-570 мБС (около 215-325 м от уровня реки). Вход в пещеру находится на высоте 18 м от уровня воды, его высота около 17 м, ширина 8 м. Общая площадь пола 337 м². Длина пещеры 110 м, средняя высота 4,5 м, средняя ширина 3,6 м, относительно сухая.

В 1961 и 1962 гг. около входа было заложено 2 шурфа размерами по 2×2 м [АКБ, 1976. С. 169. № 1513; Котов, 2004. С. 36], в 1993 г. осматривалась Ю.А. Морозовым [АПБ, 1996. С. 189. № 284], в 1999-2003 гг. охранные исследования проводились В.Г. Котовым, вскрывшем в привходовой части площадь более 70 м² на глубину до 6 м, в результате чего были выявлены культурные слои эпохи палеолита, энеолита, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья [Морозов, Котов, 2002]. В настоящее время опубликован только палеолитический комплекс [Котов, 2004. С. 36-55], ряд индивидуальных находок (пряслица, орнаментированные альчики, навершие костяного гребня и др.) и отдельные сосуды эпохи раннего железа представлены в сводных работах [Морозов, Котов, 2002; Савельев, 2007а. Рис. 36, 15-16; Котов, 2010. Рис. 1, 8; 2, 19], в т.ч. и фрагмент сосуда из шурфа А. П. Шокурова (1961 г.) [Савельев, 2011а. Рис. 6, 4].

Из относительно поздних напластований слой эпохи раннего железа наиболее мощный, представительный и информативный. Керамика этого времени относится к иткульско-гамаюнской линии развития (не менее 5 сосудов) и раннесарматской (прохоровской) культуре кочевников Южного Урала (более 30 сосудов)⁴. Кочевническая керамика (рис. 2, 1-7) характеризуется наличием во всех сосудах большой примеси мелко- и крупнотолченого талька, следов толстого нагара, в основном шаровидной формой сосудов (при наличии двух чашевидных сосудов-курильниц и небольшой закрытой банки), большинство из которых широкогорлые, дуговидно отогнутыми шейками при наличии утолщенных шеек (рис. 2, 3, 6). В орнаментации широко представлены мягкие горизонтальные каннелюры, многорядные резные треугольники, в т.ч. и с заполнением насечками, горизонтальные елочка, полукруглые резные гирлянды (рис. 2, 2), грубое вертикальное рифление (рис. 2, 4) и т.д. Присутствует также ряд сосудов без орнамента.

Судя по наличию среди находок навершия костяного гребня, верхняя дата кочевнического комплекса может быть отнесена примерно к III-II в. до н.э. [Скрипкин, 1990. С. 101]. Типологически кочевнический памятник в привходовом зале

⁴ В настоящей статье дается только общая характеристика раннекочевнического комплекса керамики, полная публикация материалов пещеры Байсланташ планируется В.Г. Котовым с соавторами на будущее. Благодарю автора исследований за право использовать неопубликованный материал.

пещеры Байсланташ может быть определен как следы долговременного (многократного) базового лагеря охотников или рыболовов со следами ритуальной (?) деятельности (навершие гребня, орнаментированное пряслице, орнаментированные альчики, курильницы и пр.). Предварительно, без какой-либо детализации, датировка кочевнического слоя в пещере может быть определена серединой – второй половиной I тыс. до н.э.

Биостратиграфические данные показывают, что в эпоху позднего голоцена в окрестностях пещеры преобладала лесостепная растительность [Яковлев и др., 2003. С. 93-98].

Стоянка Казамыш (Безымянная)

Выявлена в 1999 г., исследовалась в 2001 г. отрядом ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В. Г. Котова. Расположена в 2 км к западу, т.е. ниже по течению, от бывшего хутора Акбута Мелеузовского района РБ, на небольшом мысу левого берега р. Белая, образованного впадением ручья Казамыш, в излучине реки. Высота окружающих гор 200-500 м (до 758 мБС), вся территория полностью залесенная. Какие-либо относительно крупные ровные площадки на берегу Белой на расстоянии до 2 км вокруг стоянки отсутствуют.

На мысу левого берега ручья Казамыш, имеющего высоту 9 м от уреза воды, было заложено 2 раскопа общей площадью 160 м². Мощность гумусного горизонта – около 0,3 м. Основная часть находок датируется временем от мезолита до энеолита, к эпохе раннего железа относится развал одного сосуда, найденного на стрелке мыса и фрагмент пряслица из стенки сосуда. Сосуд широкогорлый, с невысокой слабоотогнутой и плавно утолщенной шейкой, диаметр по устью 26 см (рис. 2, 15). Цвет поверхностей красно-коричневый, с обеих сторон покрыт толстым слоем нагара, в тесте примесь крупнотолченого талька. Судя по отсутствию среди развала фрагментов плоского дна, сосуд был круглодонным. Орнамент состоит из трех горизонтальных каннелюр и грубого двойного горизонтального зигзага под ними, выполненного в резной технике. Фрагмент пряслица по своим цвету и составу не отличается от описанных выше.

Топография площадки, окружающий рельеф и единичность находок свидетельствуют о том, что памятник эпохи раннего железа может быть интерпретирован как кратковременная (возможно – однократная) стоянка явно не скотоводческой направленности.

Находка в пещере около д. Чуюнчи-Чупаново

На рубеже 1990-2000-х гг. сотрудникам отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН от охотников из г. Нефтекамска были переданы фотография и информация о каменном жертвеннике, найденном ими в пещере недалеко от д. Чуюнчи-Чупаново

Зилаирского района РБ, в верховьях р. Малый Сурень. Жертвенник без ножек, представляет собой круглое блюдо диаметром около 20 см с невысоким бортиком, по внешней стороне которого вырезан зигзагообразный орнамент. Место хранения жертвенника в настоящее время не известно, вероятно, он находится в частной коллекции. Упоминание о находке было опубликовано В. Г. Котовым и Н. С. Савельевым [2003. С. 130. Прим. 5].

Д. Чуюнчи-Чупаново находится в 33 км к северо-западу от с. Зилаир, в 55 км к югу от горной долины р. Белая, в 25 км к востоку от края горно-лесной зоны Южного Урала, в верховьях р. Малый Сурень (левый приток р. Большой Ик, бассейн р. Сакмара), практически на вершине водораздела рек Иняк, Большой и Малый Сурени, текущих в разные стороны. Данный район, несмотря на его нахождение глубоко в горно-лесной зоне, по своим ландшафтным характеристикам и рельефу является в большей степени горно-лесостепным и сильно пересеченным: многочисленные крутые горки и гряды высотой от подножья 150-200 м (550-590 мБС) залесены только с северной стороны, южные же их склоны покрыты луговой и степной растительностью. Размеры данного лесостепного языка – около 20×50 км, вытянут меридионально, с запада перекрыт полностью облесенными передовыми хребтами Уральских гор, на севере ограничен долиной р. Большой Ик, на юге постепенно расширяется и переходит в такой же мозаичный лесостепной ландшафт западного склона Зилаирского плато, продолжающийся к югу вплоть до долины Сакмары, текущей на этом участке по окраине Уральской горной страны.

Несмотря на недоступность найденного жертвенника для полноценного анализа (единственная его фотография хранилась в личном архиве Р.Б. Исмагилова), необходимо отметить, что круглые каменные блюда, являющиеся самым поздним типом «савроматских жертвенников», датируются не позднее IV в. до н.э. или, по крайней мере, рубежа IV-III вв. до н.э. [Васильев, 1998. С. 26; Яблонский, 2010. С. 79]. Также невозможно сказать и что-либо определенное по типу самого памятника, однако приуроченность района находки к привершинной части водораздела и малым водотокам имеет близкую аналогию с топографией стоянки Атиково-1.

Местонахождение на реке Крепостной Зилаир

В начале 1990-х гг. в ИИЯЛ УНЦ РАН была передана небольшая коллекция керамики, найденная геологами южнее с. Кананикольское Зилаирского района РБ, на берегу небольшого левого притока р. Крепостной Зилаир, текущей с севера на юг на расстоянии в среднем около 20 км от

восточного края Зилаирского плато. Более точно место находки не установлено [Савельев, 1998. С. 55. Рис. 2, 8].

Из-под вывороченного дерева, стоявшего на невысоком берегу реки, происходит 7 фрагментов от одного сосуда, из них 5 – неорнаментированные стенки и только два относятся к верхней части. Диаметр сосуда по венчику 13 см, шейка раструбовидная, резко отогнутая, с внутренней стороны место перехода к тулову оформлено острым ребром (рис. 2, 10). Судя по сохранившейся верхней части, тулово имело шаровидную форму. Орнаментация состоит из двух мягких каннелюр по верху плеча и висячих полукруглых гирлянд под ними. Гирлянды выполнены в резной технике, заполнены внутри такими же вертикальными линиями. В тесте обильная примесь талька, цвет поверхностей светло-коричневый с крупными черными пятнами нагара.

Рассмотренные выше 10 разнотипных археологических памятников, объединяемых в виду специфичности находок, в круг поселенческих объектов ранних кочевников Южного Урала, несмотря на существующие пока отрывочность и малый объем источниковой базы, позволяют значительно скорректировать имеющиеся представления как по хозяйственно-культурному типу кочевников скифо-сарматского времени, так и по особенностям заселения горно-лесной зоны Южного Урала в I тыс. до н.э.

Культурная атрибуция и хронология

Полученная с данных памятников керамика (рис. 2) достаточно наглядно показывает высокую однородность коллекции. К общим чертам относятся примесь талька в тесте всех сосудов, в орнаментации – использование каннелюр, резных треугольников и елочек, а также их производных, присутствие неорнаментированных сосудов, в формах – сочетание сосудов крупных и средних размеров, низкогорлость и широкогорлость сосудов, в оформлении верхней части – наличие как дуговидно отогнутых плавноутолщенных шеек (рис. 2, 5, 8, 13, 15), так и массивных утолщенных шеек (рис. 2, 3, 6, 9, 16, 19), часто оформленных с внутренней стороны сходящимися под углом плоскостями. Данные общие признаки, а также ряд таких частных деталей, как раструбовидная шейка с ребром с внутренней стороны (рис. 2, 10), рельефный орнамент (рис. 2, 17) и налепные шишечки (рис. 2, 12) свидетельствуют

о принадлежности рассматриваемой керамики к т.н. «раннепрохоровскому тальковому комплексу», представленному как в погребальных [ср.: Смирнов, Петренко, 1963; Мошкова, 1963; 1974; Савельев, 2000а], так и в поселенческих [Он же, 1998; 2014. Рис. 3; Савельев, Яблонский, 2014. Рис. 8] памятниках.

В ряде предшествующих работ значительная часть рассматриваемой керамики относилась автором к гафурийскому культурному типу лесостепи Южного Приуралья [Котов, Савельев, 2003; Савельев, 2004б; 2011а-б], что верно только отчасти. Дальнейшие исследования по гафурийской проблематике показали, что проникновение в лесостепь Средней Белой «сарматоидного» населения шло не с востока, из Зауральской лесостепи, через горные долины Уральской горной страны, а с юга и юго-запада, из степной зоны, и население это являлось кочевниками раннего этапа прохоровской культуры (памятники круга могильников Филипповка и Переволочан) [Он же, 2007б; 2008а-б; 2010; 2014; Савельев, Яблонский, 2014]. Установлено, что начальной точкой тесного взаимодействия кочевого и оседлого лесостепного населения, оседания прохоровцев и формирования на основе раннепрохоровского талькового комплекса метисной гафурийской керамики является микрорайон горы Курмантау [см.: Воробьева, 2013; 2014]. Именно в материалах этих памятников (в первую очередь – городища Касьяновское и Курмантаевское, а также находящиеся на небольшом удалении городища Воскресенское и Табынское) прослеживается наибольшая близость с публикуемой керамикой из горно-лесной зоны [Юсупов, 1959. Табл. VI; IX; X; Пшеничнюк, 1983а. Рис. 9, 9-11; 18; 19; Савельев, 2014. Рис. 4-5; Савельев, Яблонский, 2014. Рис. 9-10]⁵.

Необходимо, однако, учитывать, что на памятниках южной части ареала формирующейся кара-абызской культуры раннесарматская тальковая керамика представлена в основном в очень небольших количествах (1-2% – Касьяновское городище [Юсупов, 1959. С. 68; Пшеничнюк, 1983а. С. 82, 87], 6% – Воскресенское городище [Юсупов, 1959. С. 73-74]), также незначительно и количество смешанных сосудов. В двух случаях ее содержание значительно выше – 20% на Курмантаевском городище [Там же. С. 79] и 10% – на Табынском городище [Там же. С. 82]. Важное уточнение по последнему городищу, анализируя материалы своих раскопок 1978 г., делает

⁵ По данным Г. В. Юсупова, «Нередко ... на сосудах Касьяновского городища встречаются круглые рельефные, в виде бородавок, выступы, расположенные на большом расстоянии друг от друга» [1959. С. 71]. Под этими «бородавками» могут пониматься только налепные округлые или овальные выступы (см. рис. 2, 12), известные на сегодняшний день только в кочевнических погребениях V-IV вв. до н.э. Южного Зауралья. К сожалению, в сохранившейся небольшой части коллекций Г. В. Юсупова конца 1950-х гг. (фонды МАЭ УНЦ РАН) такие фрагменты отсутствуют, нет их и в единственной публикации автора по памятникам района горы Курмантау. Наличие данного орнаментального приема в Южном Приуралье только подтверждает дальнейшие выводы.

А. Х. Пшеничнюк: из 864 сосудов 620 являются гафурийскими (72%) и это «... как правило, крупные фрагменты с обильной примесью толченой раковины в тесте или *изредка – талька*» (курсив мой – Н.С.) [Пшеничнюк, 1983а. С. 96-98]. Анализ коллекции Табынского городища показывает, что абсолютное большинство рассматриваемой серии керамики имеет вполне сложившиеся гафурийские (т.е. трансформированные «раннесарматские тальковые») форму и орнамент: колоколовидные и близкие к ним формы, вертикальная плавноутолщенная шейка, упрощенный орнамент с доминированием каннелюр, резных зигзагов, абсолютно доминирующая примесь раковины в тесте и др. [ср.: Савельев, 2010; 2011в]. При этом, собственно кара-абызских и «смешанных» (т.е. кара-абызских без традиционного ямочного орнамента и наличием отдельных гафурийских черт) в раскопах 1978 г. практически поровну – по 16%. Иная ситуация прослежена в 2013 г. на Курмантаевском городище (раскоп площадью 2 м²): собственно кара-абызская керамика отсутствует, смешанной (с примесью раковины) – 10%, остальная – гафурийская (с примесью талька – 70%, с примесью песка – 7%, с примесью раковины – 13%), орнамент присутствует только на 10% сосудов [Воробьева, 2014-А]. Крайне малая орнаментированность сосудов с Курмантаевского городища также подтверждается и данными Г. В. Юсупова [1959. С. 79-80].

Эти данные являются принципиальными для решения вопроса сложения гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья и особенностей взаимоотношения кочевников раннего этапа прохоровской культуры с оседлым лесостепным населением, но в рамках настоящей статьи и уточнения культурной принадлежности «сарматоидной» керамики горно-лесной зоны Южного Урала важно одно – явственно прослеживаемое сильное отличие гафурийских традиций от анализируемой керамики верхнего течения р. Белая (рис. 2). Фактически, можно говорить только лишь о близости горно-лесной керамики с той небольшой частью архаичной керамики памятников района горы Курмантау, которая может быть отнесена к собственно «раннесарматской тальковой» и является для лесостепи «протогафурийской» [см. напр.: Савельев, 2014. Рис. 4].

Приведенные выше данные показывают, что в приуральской лесостепи в условиях непосредственного переплетения двух совершенно различных групп населения, трансформация керамического комплекса осевшей части кочевников, во-первых, шла очень быстро, во-вторых, разнонаправленно на разных памятниках (напр., Табынское и Курмантаевское городища) и, в-третьих, вся метисная керамика является легко узнаваемой и сильно отличающейся от степных прототипов. Совершенно иную картину мы видим в

горно-лесной зоне: вся керамика тальковая (примесь раковины отсутствует полностью), наряду с небольшим количеством вполне стандартных по форме неорнаментированных сосудов присутствуют сложные орнаменты – рифление, наlepные выступы, орнаментация среза венчика, косяя сетка и т.д. (рис. 2, 12, 16, 17, 19), присутствуют как раструбообразно отогнутые, так и утолщенные венчики, в т.ч. и оформленные с внутренней стороны сходящимися под углом плоскостями. Это позволяет рассматривать анализируемую горно-лесную керамику (во всяком случае – ее раннюю часть) как собственно раннесарматскую, датируемую примерно концом V – началом IV вв. до н.э. Близость же ее с гафурийской является не более, чем следствием практически одновременного освоения кочевниками горно-лесной зоны и начала их оседания в предгорной лесостепи Южного Приуралья.

В то же время, каменный жертвенник из Чуюнчи-Чупаново и навершие костяного гребня из Байсланташа не позволяют датировать все рассматриваемые памятники концом V – началом IV вв. до н.э. или даже первой половиной IV века до н.э. Выше показано, что верхняя дата кочевнического комплекса в пещере Байсланташ по навершию гребня (а также и ряду других находок) может быть отнесена примерно к III-II вв. до н.э. [Скрипкин, 1990. С. 101]. Обращение ко всему имеющемуся кочевническому керамическому комплексу из горно-лесной зоны также подтверждает наличие ряда относительно поздних сосудов, выделяющихся на общем фоне нарушением традиционных для раннепрохоровской тальковой керамики морфологических и орнаментальных схем [ср.: Савельев, 2011в. С. 64]. К таковым могут быть отнесены:

- появление каннелюр на утолщенной шейке (рис. 2, 3) – пещера Байсланташ; перенос каннелюр с плеча на шейку совершенно не характерен для раннепрохоровских памятников и лишь единично встречается на достаточно поздней (не ранее середины – второй половины III в. до н.э.) гафурийской керамике северной части кара-абызского ареала [Там же. Рис. 7, 11, 15];

- появление грубой вертикальной «расширки» верхней части тулова (рис. 2, 4) – пещера Байсланташ; может являться редукцией вертикального заполнения геометрических фигур (рис. 2, 10) или бордюра вертикального рифления (рис. 2, 17);

- дуговидно отогнутая шейка на крупном сосуде (рис. 2, 7) – пещера Байсланташ; наиболее характерными для таких сосудов являлись утолщенные (рис. 2, 3, 15, 16, 19) или, значительно реже, раструбовидные [см. напр.: Пшеничнюк, 1983б. Табл. XXXVIII, 7-8] шейки;

- плавное утолщение не всей шейки, а только места перегиба к тулову при намеренном утонче-

нии самой шейки и формовке плоского среза венчика (рис. 2, 9) – пещера Балатукай; данная схема, вероятно, может рассматриваться как изживание утолщенной шейки с плоским срезом и ребристым профилем с внутренней стороны (рис. 2, 3, 16);

- плавный профиль внутренней части утолщенной шейки при намеренном утончении верхней части с сохранением плоского среза и орнамента на нем (рис. 2, 16) – стоянка Акбулатово-3; также показывает закономерность, описанную выше, поскольку ни на одном из известных раннепрохоровских сосудов с массивной шейкой не фиксировалось утончения и выделения верхней части практически до толщины остальных стенок [Там же. Табл. ХХІХ, 8; Федоров, Васильев, 1998. Рис. 5, 2; Савельев, 1998. Рис. 2, 9-10; 2000б. Рис. 1, 4; 2, 1; 2014. Рис. 3, 1-2, 4, 6-7, 9-10].

Эти детали показывают не разнообразие существующих форм и орнаментов в рамках единой устоявшейся керамической традиции, а ослабление традиции вследствие достаточно длительного автономного саморазвития (во всяком случае, имеющиеся керамические материалы показывают полное отсутствие взаимосвязей между кочевническим, гамаюнским и курмантауским населением; возможно, иное население во время освоения кочевниками южной части горно-лесной зоны на этой территории отсутствовало или было крайне малочисленным).

Самые последние раннепрохоровские (т.е. круга Филипповки-Переволочана) памятники в степи датируются первыми десятилетиями III в. до н.э. [Васильев, 2004; Монахов, 2006. С. 92; Яблонский, 2010], и в это же время с востока появляется новая волна кочевников (памятники круга Бердянки-Мечетсая-Илекшара-Старых Кишкков; т.н. носители «классической» или «развитой» прохоровской культуры), которая полностью меняет этнокультурный облик степей Южного Урала [Савельев, Яблонский, 2014. С. 495]. Навершие костяных гребней относятся именно к памятникам этого этапа прохоровской культуры [Мошкова, 1963; Скрипкин, 1990]. Керамический комплекс классических «прохоровцев» по формам, орнаментам и технико-технологическим характеристикам полностью отличен от раннепрохоровского [см. напр.: Гуцалов, 2006], хотя известны различные реминисценции [Там же. С. 127. Рис. 7, 7; Краева, 2012; Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 38, 13] или даже случаи механического смешения [Савельев, 2010. С. 319]. Однако ведущими формами были различные шаровидные, эллипсоидные и др. сосуды, практически лишенные орнамента с ведущей примесью шамота в тесте. Такие сосуды до сих пор не известны в памятниках горно-лесной зоны или, что более вероятно, не выделены в имеющихся коллекциях из-за их крайне невыразительных форм. Так или

иначе, но сам факт нахождения костяного навершия гребня в пещере Байсланташ свидетельствует о проникновении кочевников в горную долину верхнего течения р. Белая в III-II вв. до н.э. или даже немного более позднее время.

Приведенные данные показывают, что рассматриваемая керамика из горно-лесной зоны относится к раннепрохоровскому тальковому комплексу кочевников Южного Урала (памятники круга Филипповки-Переволочана), по характерным деталям часть ее может быть датирована концом V – началом IV вв. до н.э. и связана с Зауральем. Другая часть керамики, по моему мнению, более поздняя – она наследует раннепрохоровские традиции, но особенности формы и орнаментации говорят о ее достаточно длительном развитии в обществе, не поддерживающем тесных связей с однокультурным населением. Предварительно она может быть датирована IV-III вв. до н.э. Еще более поздняя керамика на данный момент не выявлена, однако находка гребня свидетельствует о проникновении в III-II вв. или немного более позднее время в горную долину р. Белая кочевников развитой прохоровской культуры.

Пути проникновения

Как было показано выше, в настоящее время по археологическим данным установлено три пути проникновения населения эпохи раннего железа в южную (т.е. расположенную к югу от полосы высокогорий между 54 и 55° с.ш.) часть горно-лесной зоны Южного Урала: с севера – из Зауралья через верховья р. Белая, с юга – из Приуралья через вход в горный каньон реки и, в-третьих, напрямую с запада, через систему горных долин и, вероятно, по р. Зилим. Как показывает картографирование выявленных в горах кочевнических памятников (рис. 1), большинство из них расположено на границе «северного» (гамаюно-иткульского) и «южного» (курмантауского) ареалов, при этом самые западные из известных памятников (в районе хутора Акбута) отстоят от выхода р. Белая в равнины Приуралья примерно на 50 км. Расстояние между крайними кочевническими памятниками (Казамыш – Атиково) – 70 км по реке и 40 км по прямой. Расстояние до степей Зауралья (Сакмаро-Таналыкская межгорная депрессия, описание см.: [Ахметова и др., 2012. С. 20]) от этого участка р. Белая по прямой составляет 55-70 км. Несмотря на крайнюю недостаточность разведочных обследований горного течения р. Белая, можно констатировать, что за пределами очерченного выше ареала кочевнические памятники не выявлены [см.: Обыденнов, 1997; САПРБ, 2004; Савельев, 2011а]. Это, вероятно, может свидетельствовать о том, что продви-

жение кочевников в горно-лесную зону шло не по долине р. Белая, а прямо через горы.

Подтверждением этому выводу является расположение стоянки Атиково-1 и местонахождений на р. Крепостной Зилаир и около д. Чуюнчи-Чупаново, которые никак не связаны с долиной р. Белая (рис. 1). В последнем случае, учитывая, что место находки каменного жертвенника находится примерно в 20-30 км к востоку от западного края горно-лесной зоны, можно допускать проникновение кочевников с запада, из южной лесостепи Приуралья⁶. Здесь, в широкой остепненной долине р. Большой Ик, вытянутой вдоль края гор, исследован ряд могильников ранних кочевников – Канакас-2 [Сиротин, Стародубцев, 2007], Утарка [Исмагил, Сунгатов, 2013. С. 35-36. Рис. 10, 1-7], Каскиново [Мажитов, Пшеничнюк, 1977. С. 60-63. Рис. 7; Исмагил, Сунгатов, 2013. С. 36-37. Рис. 11, 1-10], известна информация о разрушенном богатом погребении около д. Максютново [АКБ, 1976. С. 181. № 1639]. В двух других случаях памятники находятся между долиной р. Белая и восточным краем гор: Атиково-1 – в 13 км по прямой от долины реки и в 45 км к западу от восточного края гор, Крепостной Зилаир – примерно в 20 км к западу от восточного края гор. Характерно, что оба этих памятника находятся на небольших притоках рек, тесно связанных с Южным Зауральем: р. Крепостной Зилаир впадает в р. Сакмара, которая течет вдоль восточного края горно-лесной зоны, а р. Кана, начинаясь менее чем в 10 км от границы гор и зауральской степи, за передовым низкогорных хребтом Урал-Тау, течет на запад и впадает в р. Белая в центральной части горно-лесной зоны.

В Сакмаро-Таналыкской степи, зажатой между хребтами Урал-Тау и Ирэндык, исследовано значительное количество кочевнических могильников скифо-сарматского времени (с севера на юг – Тавлыкаево IV, Бекешево III, Старый Комсомол, Комсомольский V, Акмурун, Биш-Уба и др.) [Пшеничнюк, 1983б. С. 60-62, 65-70, 72-75. Табл. XLV, 5-13, 15; XLVIII-LI; Исмагил, Сунгатов, 2013. С. 55-56, 68. Рис. 26, 1-47; 40], известны кратковременные стоянки [Савельев, 2015], а также находки мечей и кинжалов [Сунгатов, Григорьев, 2014]. Как здесь, так и к северу и югу от этого степного клина неоднократно зафиксирована важная особенность – большое количество курганных могильников кочевников V-IV вв. до н.э. расположено непосредственно вдоль края современной горно-лесной зоны – напр., такие крупные и известные как Ивановка и Яковлевка [Пшеничнюк, 1983б. Табл. XXVII-XXIX; Федоров, Васильев, 1998; Сиротин, 2015], в переходной горно-лесостепной зоне – напр.,

Муракаево [Мажитов, Пшеничнюк, 1977. С. 56-60] или непосредственно в горно-лесной зоне – напр., Янтышево [Исмагил, Сунгатов, 2013. С. 57-58. Рис. 29]. Ранее мной также показывалось, что освоение кочевниками горно-степной (с переходом к горно-лесостепной и горно-таежной) зоны массива Ирэндык-Крыкты в середине I тыс. до н.э. было не только очень плотным, но и фактически монокультурным [Савельев, 2003; 2006а-б; 2007в; Котов, Савельев, 2007].

Таким образом, можно говорить о в основном восточном, зауральском, пути проникновения кочевников середины – второй половины I тыс. до н.э. в горно-лесную зону и именно в горную долину р. Белая. Вероятно, продвижение это шло широким фронтом с территории Сакмаро-Таналыкской степи по долинам рек и водораздельным плато, до сих пор отличающихся мозаичностью ландшафтов. Подтверждением этому являются как прямые, так и косвенные данные по палеоэкологии региона.

Палеоэкологические данные

Ареал раннекочевнических памятников горно-лесной зоны Южного Урала расположен на стыке трех горнолесных подпровинций – низкогорной широколиственной Инзерско-Бельской, вытянувшейся узкой полосой по западному краю гор, и низко- и среднегорных со светлохвойной тайгой Уфимско-Бельской и Прибельско-Уралтауской, находящихся восточнее. С юга к ним примыкает горно-лесостепная подпровинция Южно-Уральского пенеплена (Зилаирского плато) [ФГРБ, 1964]. Физико-географическая сложность данной территории, относительно небольшая ширина самой горной страны (на широте исследуемых памятников – немногим более 100 км), примыкание с запада к южной лесостепи, а с востока – к степи, вплоть до настоящего времени являются причинами крайней ландшафтной мозаичности южной части горно-лесной зоны Южного Урала, где чересполосно расположены участки светлохвойной тайги, широколиственных лесов, сочетающиеся с различными по размеру остепненными и луговыми участками. Привлечение палеоэкологических данных показывает, что в эпоху раннего железа эта мозаичность была выражена значительно сильнее и современная горно-лесная зона (во всяком случае – ее южная часть) в I тыс. фактически являлась горной лесостепью с большими открытыми пространствами.

Так, по данным биостратиграфического анализа (споро-пыльцевые спектры и фауна мелких млекопитающих) ряда отложений в широтном течении горной части р. Белая, выполненных коллективом Института геологии УНЦ РАН, «...

⁶ Или, возможно, с юга, по длинному горно-лесостепному языку (описание см. выше), идущему на север от Зилаирского плато, однако данная территория совершенно не обследована.

природные условия изменялись от степных – ранний голоцен, лесостепных – средний – начало позднего голоцена ... и только в конце позднего голоцена приобрели современный лесной облик» [Данукалова и др., 2007. С. 103-104]. Выше уже отмечалось, что около середины I тыс. до н.э. в окрестностях Ташмуруновского грота росли смешанные сосново-березовые леса с большими открытыми лесостепными или остепненными участками [Яковлев и др., 2004. С. 102-105], а около пещеры Байсланташ (Акбутинская) преобладала лесостепная растительность [Яковлев и др., 2003. С. 93-98].

Важные дополнительные данные были получены в 2013 г., когда проводилось сплошное археологическое обследование окрестностей пещеры Шульганташ (Каповой) [Проект, 2013]. Так, судя по споро-пыльцевому спектру, полученному из шурфа стоянки середины II тыс. до н.э. (алакульская культура) Ыылкысыккан-2, расположенной на поляне вершины плато правого берега р. Белая в 4 км от ее русла, во время существования стоянки (СП2) соотношение древесных, травянистых и споровых растений составляло (%) 15-47-38, в нижележащем слое (СП1) – 12-42-46, в вышележащем, под дерном (СП3) – 55-7-38. Таким образом, даже по этим общим показателям различия между эпохой бронзы (СП2) и поздним средневековьем (СП3) очень большие: доля древесных возрастает почти в 4 раза, травянистых – почти в 7 раз снижается. Такие же различия прослеживаются и по составу травянистых и древесных растений. Для древесных соотношение сосны и березы (%): СП1 – 8/4, СП2 – 9/6, СП3 – 40/7, дополнительно появляется ель – 7% и единично присутствуют зерна липы, что свидетельствует о 4-кратном росте количества сосны и появлении ели. Показательно и соотношение травянистых: для СП-1 распространены розоцветные и злаковые (всего 3 вида травянистых), для СП-2 – луговое разнотравье с максимальным количеством трав (9 видов), для СП-3 травянистые крайне обеднены и представлены всего двумя видами, характерными для лесных полей. В общем виде тип ландшафта на высоком плато р. Белая реконструируется следующим образом: эпоха камня – олуговелая тундра, климат влажный, эпоха бронзы – луговое разнотравье с очень небольшой долей леса, климат более сухой, эпоха позднего средневековья – небольшая лесная луговая поляна⁷.

Более детализированные данные получены из двух споро-пыльцевых спектров (шурфы 1 и 4 – см. выше) со стоянки Акбулатово-3, по которым видно, что до и, вероятно, на начальном этапе эпохи раннего железа в долине р. Белой были распространены березовые широколиственные леса.

⁷ Благодарю д.б.н. В.Б. Мартыненко и к.б.н. П.В. Широких (Институт биологии УНЦ РАН) за внимательный анализ споро-пыльцевых спектров и ценные консультации по ботанике.

Примерно к середине I тыс. до н.э. происходит сильная ландшафтная трансформация: больше чем в полтора раза падает количество пыльцы древесных растений (с 39 до 24%), в 2-3 раза снижается количество пыльцы березы и в 5-6 раз возрастает количество пыльцы сосны, т.е. лес становится сосново-березовым более разреженным, а в составе травянистых растений появляются маркеры интенсивного пастбищного использования близлежащих открытых пространств.

Подтверждением масштабности произошедших экологических изменений являются данные, полученные по кратковременным стоянкам Шульганово-2 и -3, расположенным на краю высокой поймы правого берега р. Белая недалеко от описанных в настоящей статье стоянок Акбулатово-3 и Шульганово-5. В обоих случаях тонкая (10-15 см) гумусная прослойка с находками первой половины – середины I тыс. до н.э. (Шульганово-2 – гамаюнская культура, Шульганово-3 – курмантауская культура) залегает на глубине более 0,5 м и заключена в однородную гидротаморфизированную толщу намывного аллювия (палеопочвоведческие анализы выполнены д.б.н. Р.Р. Сулеймановым, Институт биологии УНЦ РАН, 2013 г.). Это свидетельствует о том, что в гамаюнско-курмантауское время (т.е. немного предшествующее появлению в горной долине р. Белая кочевников) на данной территории резко снизился уровень паводков и на заливной пойме начала формироваться луговая почва, т.е. начался очень активный процесс усушения климата. Фиксируемые усушение и снижение облесенности на фоне значительного увеличения сосны в споро-пыльцевых спектрах являются проявлениями единого процесса климатических изменений, достигшего, вероятно, своего максимума к V-IV вв. до н.э.

Возможно, что именно эти изменения ранее уже отмечались для Месягутовской лесостепи и послужили причиной для освоения кочевниками этой островной территории, расположенной значительно севернее [Савельев, 2004а; 2007а]. Также, судя по очень четко проявляющемуся снижению обводненности р. Белая, эти климатические изменения коснулись не только одного небольшого локального участка, а, по меньшей мере, всей горной зоны Южного Урала. Небольшая мощность погребенных гумусных слоев на стоянках Шульганово-2 и -3, вероятно, может быть интерпретирована как следствие относительной кратковременности периода усыхания – вышележащая толща аллювия свидетельствует о значительном увеличении водности р. Белая во все последующее время вплоть до этнографической современности.

*Хозяйство и система расселения кочевников
горной зоны Южного Урала*

Для реконструкции хозяйства кочевников горной (современной горно-лесной) зоны Южного Урала в середине – второй половине I тыс. до н.э. данных пока очень немного и все они в основном косвенные. К ним относятся тип памятников, характер, количество и особенности находок на них, размер площадок, топографическая приуроченность и характер окружающего рельефа. В качестве сравнительных важное значение имеют данные по иткульско-гамаюнским и курмантауским памятникам той же территории (т.е. горной долины р. Белая).

Так, анализируя хозяйство курмантауского населения, заселявшего в середине I тыс. до н.э. южную часть горного течения р. Белая, наглядно видны разделение поселенческих памятников на стационарные (базовые), кратковременные (сезонные) и специализированные промысловые, приуроченность всех их исключительно к долине реки, развитая цветная металлургия и каменная индустрия, скотоводство (разведение крупного рогатого скота и лошади) с очень большой долей охоты на крупных копытных и практически отсутствующими данными о развитии какого-либо рыболовства [Обыденнов, 1997. С. 40-41; Котов, Савельев, 2003; Гарустович, Савельев, 2004; Морозов, 2004; 2009; Савельев, 2011a]. Близким описанному являлось и хозяйство иткульско-гамаюнских групп, осваивавших в первой половине – середине I тыс. до н.э. северную и центральную части горного течения р. Белая [ср.: Там же; Котов и др., 2014]. Совершенно иная картина видна при обращении к раннекочевническим памятникам этих мест.

Известные кочевнические памятники по своей топографической и пространственной приуроченности относятся к нескольким группам.

1. Стоянки на мысовидных площадках при впадении в р. Белая ручьев – Акбулатово-3, Шульганово-5, Казамыш (Безымянная); находки рассматриваемого времени на них малочисленны или единичны, распространены на небольшой площади.

2. Стоянка на краю не выраженной в рельефе площадки в пределах крупного равнинного участка, ограниченного рекой и с остальных сторон горами – Акбута-2; находки представлены несколькими фрагментами от одного сосуда.

3. Стоянки в пещерах, приуроченных к удобным промысловым участкам, напр. – глубокому омуту (пещера Байсланташ) или выходу из горного ущелья в крупную долину (Ташмуруновский грот); в первом случае находки многочисленны и очень разнообразные, во втором – представлены единичными фрагментами от нескольких сосудов.

4. Стоянка в пещере, расположенной на крутом склоне очень высоко над рекой, практически под вершиной скалы (пещера Балатукай); находки представлены фрагментами нескольких сосудов, колотыми костями животных, линзами кострищ, при этом находки других культур и эпох (от эпохи бронзы до позднего средневековья) отсутствуют.

5. Стоянка на небольшом водотоке практически у вершины крупного водораздела в значительном удалении от основных рек (Атиково-1, возможно – Чуюнчи-Чупаново); находки немногочисленны, но выразительны и очень компактно локализованы.

6. Вероятно, к отдельной группе может быть отнесена стоянка на берегу малого водотока, находки с которой представлены фрагментами одного сосуда (т.н. «местонахождение на р. Крепостной Зилаир»).

Таким образом, кочевнические памятники приурочены не только к горной долине р. Белая, но и к достаточно широкой окружающей территории, при этом расположены они в очень разнообразных топографических ситуациях, часть из которых не характерна для известных в горно-лесной зоне курмантауских и иткульско-гамаюнских памятников. Некоторые объекты могут уверенно рассматриваться как специализированные промысловые (Ташмурун, Байсланташ, вероятно – Балатукай), другие – как скотоводческие (напр., Атиково-1) или относиться к ним условно (Акбута-2), часть же не может быть отнесена ни к тем, ни к другим (Акбулатово-3, Шульганово-5, Казамыш). По всем своим характеристикам (небольшие мысовидные площадки в устье ручьев, ограниченные со всех сторон покрытыми лесом горами) они более всего похожи на стоянки традиционных охотников и рыболовов, которые здесь и располагались в предшествующее время (Акбулатово-3 – от неолита до середины I тыс. до н.э., Шульганово-5 – первая половина – середина I тыс. до н.э., Казамыш – от мезолита до энеолита). Среди памятников этого типа выделяются как явно кратковременные (напр., стоянка Казамыш, где в раскопах площадью 160 м² к раннекочевническим древностям относятся только развал одного сосуда и глиняное пряслице), так и достаточно долговременные, с четко локализованным и выраженным культурным слоем (стоянки Акбулатово-3 и Шульганово-5). Последние типологически являются небольшими базовыми поселками.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что хозяйство кочевников середины – второй половины I тыс. до н.э., осваивавших южную часть Уральской горной страны, являлось полностью интегрированным в условия горно-лесной (горно-лесостепной) зоны с использованием всего имеющегося потенциала вмещающего ландшафта. Фактически можно говорить о формировании в конце V – начале IV вв. до н.э. особого

хозяйственно-культурного типа кочевников горно-лесной (горно-лесостепной) зоны с комплексным скотоводческо-охотничьим укладом. Судя по количеству находок и размерам площадок памятников, хозяйствование велось малыми коллективами. Предварительно местами постоянного проживания этих кочевников могут рассматриваться крупные хорошо обводненные горные долины или берега небольших водотоков на возвышенных плато, т.е. за пределами узких и глубоких долин рек (в первую очередь – р. Белая), экологическая емкость которых для ведения комплексного хозяйства была явно недостаточна.

Заключение

Анализ известных к настоящему времени находок кочевнического облика, сделанных на поселенческих памятниках южной части горно-лесной зоны Уральской горной страны, позволяет сделать ряд выводов, имеющих важное значение как для этнокультурной истории Южного Урала, так и для скифо-сарматской проблематики в целом.

1. Освоение южной части Уральской горной страны кочевниками началось в конце V – начале IV вв. до н.э. и велось в основном из предгорной степи Южного Зауралья, возможно, частично заселение горной зоны шло и из Приуралья. В культурном отношении эти кочевники являлись носителями раннепрохоровской культуры (памятники круга могильников Филипповка и Переволочан).

2. В IV-III вв. до н.э. эти кочевники являлись единственным населением южной части Уральской горной страны (что позволяет говорить об их монокультурном освоении данной территории), судя по особенностям керамики, в их среде шел процесс упрощения орнаментации

и форм сосудов, что может рассматриваться как следствие высокой степени их автономности от однокультурного населения степной зоны. Для решения вопроса о взаимодействии в горной долине р. Белая кочевников-«филипповцев» с ранее проживавшими здесь группами охотников и скотоводов (носители гамаюнской и курмантауской культур) пока недостаточно данных, возможно, что кочевники на этой территории появились позже времени их исчезновения.

3. Палеоэкологические данные показывают, что проникновение кочевников в горы произошло во время, когда сплошной лесной покров на данной территории еще отсутствовал и она представляла собой горную лесостепь, при этом для середины I тыс. до н.э. дополнительно фиксируется период сильного усушения, снижения облесенности и трансформации березовых лесов в сосново-березовые.

4. Следствием освоения кочевниками гор Южного Урала явилось формирование во второй половине I тыс. до н.э. особого хозяйственно-культурного типа кочевников горно-лесостепной зоны с комплексным скотоводческо-охотничьим укладом и проживанием малыми группами.

5. Количество выявленных кочевнических памятников, их типологическое разнообразие и достаточно большая разбросанность по территории позволяют говорить, что во второй половине I тыс. до н.э. вся южная часть Уральской горной страны (по крайней мере – до полосы высокогорий, расположенных к северу от 54° с.ш.) входила в зону очень плотного монокультурного освоения кочевников – носителей раннепрохоровской культуры и должна рассматриваться как составная часть «скифо-сарматской ойкумены».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АКБ, 1976: Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 264 с.

АПБ, 1996: Археологические памятники Башкортостана (История культуры Башкортостана. Вып. 6) / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 280 с.

Ахметова Е.А., Савельев Н.С., Тух А.В. Материалы нео-энеолитической стоянки Карагай-Мурун-1 на р. Сакмара в предгорьях Южного Зауралья // УАВ. Вып. 12. 2012. С. 20-29.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1. 1998. С. 25-43.

Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // УАВ. Вып. 5. 2004. С. 153-172.

Воробьева С.Л. Историко-культурный потенциал археологического микрорайона горы Курмантау (по итогам работ 2012 и 2013 гг.) // Этносы и культуры Урало Поволжья: история и современность. Материалы VII Всерос. науч.-

практ. конф. молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2013. С. 52-60.

Воробьева С.Л. Селище Курмантау – металлургический комплекс эпохи раннего железа // Международная полевая школа в Болгаре. Сб. материалов итоговой конф. Казань, Болгар: Ин-т археологии им. А.Х. Халикова, 2014. С. 26-33.

Воробьева С.Л. Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в Гафурийском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 995 от 01.08.2013 г. / Нац. музей РБ. Уфа, 2014-А. 237 с. // Архив ИА РАН.

Гарустович Г.Н., Савельев Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // УАВ. Вып. 5. 2004. С. 93-118.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казхстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.

- Гуцалов С.Ю. Погребения III в. до н.э. прохоровской культуры на Илеке // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 123-136.
- Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Морозова (Осинова) Е.М., Еремеев А.А. Четвертичные отложения широтного течения р. Белой (Южный Урал) // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы V Всерос. совещания по изучению четвертичного периода. Москва, 7-9 ноября 2007 г. М.: ГЕОС, 2007. С. 102-104.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа: Белая река, 2013. 223 с.
- Косинцев П.А. Археозоологические материалы из раскопок Ташмуруновского грота в верховьях реки Белой // УАВ. Вып. 4. 2003. С. 148-162.
- Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская) // УАВ. Вып. 5. 2004. С. 36-55.
- Котов В.Г. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Баймакском и Бурзянском районах Республики Башкортостан в 2004 году. Уфа, 2005-А / Архив ИА РАН.
- Котов В.Г. Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья // УАВ. Вып. 10. 2010. С. 36-55.
- Котов В.Г., Румянцев М.М., Савельев Н.С. Разведочные работы в горной части Башкортостана // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1(1). 2014. С. 16-17.
- Котов В.Г., Савельев Н.С. Промысловая стоянка «Ташмуруновский грот» в верховьях реки Белая // УАВ. Вып. 4. 2003. С. 124-147.
- Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // АО 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 377-381.
- Краева Л.А. Культурогенез ранних кочевников Южного Приуралья IV-I вв. до н.э. (по результатам технико-технологического анализа керамики) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 401-406.
- Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 52-66.
- Монахов С.Ю. О хронологии сарматского погребения с гераклейской амфорой из Башкирии // Liber Archaeologicae. Сб. ст., посвящ. 60-летию Бориса Ароновича Раева / Отв. ред. А.В. Си-
моненко. Краснодар – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 89-93.
- Морозов Ю.А. Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 119-126.
- Морозов Ю.А. Каменные орудия с поселений Юмагузинского водохранилища // УАВ. 2009. Вып. 9. С. 90-106.
- Морозов Ю.А., Котов В.Г. Памятники археологии в зоне затопления Юмагузинского водохранилища // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища. Уфа: Гилем, 2002. С. 173-183.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д. 1-10. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 32 с.
- Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
- Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели. Отчеты Иштугановской комплексной экспедиции. Вып. 1. Уфа: Изд-во БЭК, 1997. 135 с.
- Проект зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Капова пещера с живописью эпохи палеолита» (Республика Башкортостан, Бурзянский район, на территории Государственного заповедника) / Котов В.Г., Румянцев М.М., Савельев Н.С. / ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2013. 288 с.
- Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка и В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983а. С. 77-103.
- Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983б. 200 с.
- Савельев Н.С. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1. 1998. С. 53-58.
- Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. Вып. 2. 2000а. С. 17-48.
- Савельев Н.С. Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000б. С. 41-52.
- Савельев Н.С. Горно-долинные ландшафты хребта Ирендык как фактор сохранения этнокультурных изолятов в эпоху ранних кочевников // Человек в пространстве древних культур. Материалы всерос. науч. конф. Челябинск, 2003. С. 15-16.
- Савельев Н.С. Ландшафтно-экологическая обусловленность освоения кочевниками Южного

Урала изолированных территорий в эпоху раннего железа // УАВ. Вып. 5. 2004а. С. 181-188.

Савельев Н.С. Горы Южного Урала в эпоху раннего железа // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск: Рифей, 2004б. С. 119-122.

Савельев Н.С. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирэндык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006а. С. 92-104.

Савельев Н.С. Ирэндыкско-крыкстинская группа кочевников Южного Урала: критерии выделения и поисковые признаки памятников // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006б. С. 80-83.

Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007а. 260 с.

Савельев Н.С. Конская узда IV-III веков до н.э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900-1966). Материалы междунар. конф. (20-22 апреля 2007 г., Уфа). Уфа: Китап, 2007б. С. 330-339.

Савельев Н.С. Поселение раннесакского времени Улек-Хазы-2 в горно-степной зоне Южного Зауралья // АПО. Вып. 8. Оренбург, 2007в. С. 93-98.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21-25 апреля 2008 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург, 2008а. С. 116-136.

Савельев Н.С. Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 3. М., 2008б. С. 69-72.

Савельев Н.С. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий (МИАР. № 13) / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 299-322.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961-1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2. Материалы регион. науч.-практ. конф.

«Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвящ. 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа, 2011а. С. 42-70.

Савельев Н.С. На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир. СПб.: Алетейя, 2011б. С. 11-24.

Савельев Н.С. Гафурийский керамический комплекс эпохи раннего железа с Биктимировского городища // РА. 2011в. № 2. С. 56-66.

Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. (УАВ. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 191-206.

Савельев Н.С. Поселения раннесакского времени Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 246-254.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Серия «Археология евразийских степей». Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 478-504.

САПРБ, 2004: Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987-2000 годах / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2004. 184 с.

Сиротин С.В. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. (МИАР. № 13) / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 323-338.

Сиротин С.В. Охранные исследования на могильнике «Ивановские I курганы» в 2013-2014 гг. // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1(2). 2015. С. 18-19.

Сиротин С.В., Стародубцев М.В. Раскопки курганного могильника Канакас 2 на юге Башкирии // АО 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 392-393.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 303 с.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 3-51.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / САИ. Вып. Д1-9. М.: АН СССР, 1963. 40 с.

Сунгатов Ф.А., Григорьев Н.Н. Археологические работы ООО «Архпроектизискание» на территории Республики Башкортостан в 2013 г. // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1(1). 2014. С. 11.

ФГРБ: Физико-географическое районирование Башкирской АССР // Учен. записки. Т. XVI. Серия географ. № 1. Уфа: Башгосуниверситет, 1964. 210 с.

Федоров В.К., Васильев В.Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // УАВ. Вып. 1. 1998. С. 62-96.

Шокуров А.П. Научный отчет об археологической экспедиции в Белорецком, Бурзянском и Бакалинском районах БАССР. 1961-А / Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 545.

Шокуров А.П. Научный отчет за 1962 г. 1962-А / Архив ИА РАН. Р-1. № 2448.

Шокуров А.П. Научный отчет за 1965 г. 1965-А / Архив ИА РАН. Р-1. № 4396.

АКВ, 1976: Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological Map of Bashkortostan]. М.: Nauka, 1976. 264 s.

АРВ, 1996: Arheologicheskie pamyatniki Bashkortostana (Istoriya kul'tury Bashkortostana. Vyp. 6) [Archaeological Site of Bashkortostan (Bashkortostan's Culture History. Vol. 6)] / Otv. red. Yu.A. Morozov. Ufa: Gilem, 280 s.

Ahmetova E.A., Savelev N.S., Tuh A.V. Materialy neo-ehneoliticheskoy stoyanki Karagaj-Murun-1 na r. Sakmara v predgor'yah Yuzhnogo Zaural'ya [Materials of Neo-Eneolithic dwelling Karagai-Murun-1 on the Sakmara river in the foothills of the Southern Trans-Urals] // UAV. Vyp. 12. 2012. S. 20-29.

Vasilev V.N. K voprosu o sarmatskih kamennyh zhertvennikah kochevnikov Yuzhnogo Urala [To the issue question of stone altars made by Sarmatian nomads of the Southern Urals] // UAV. Vyp. 1. 1998. S. 25-43.

Vasilev V.N. K khronologii ranneprohorovskogo kompleksa [Towards chronology of early Prokhorovka complex] // UAV. Vyp. 5. 2004. S. 153-172.

Vorob'eva S.L. Istoriko-kul'turnyj potencial arheologicheskogo mikrorajona gory Kurmantau (po itogam rabot 2012 i 2013 gg.) [Historical and cultural potential of the archaeological microdistrict of mountain Kurmantau (according to the results of work in 2012 and 2013.)] // Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennost'. Materialy VII Vseros. nauch.-prakt. konf. molodyh uchenykh. Ufa: IEI UNC RAN, 2013. S. 52-60.

Vorob'eva S.L. Selishche Kurmantau – metallurgicheskij kompleks epohi rannego zheleza [Dwelling site Kurmantau as metallurgical complex of the Early Iron Age] // Mezhdunarodnaya polevaya shkola v Bolgare. Sb. materialov itogovoj konf. Kazan',

Юсунов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа, 1959. С. 58-87.

Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. (МИАР. № 12). М.: Таус, 2010. 383 с.

Яковлев А.Г., Данукалова Г.А., Алимбекова Л.И., Косинцев П.А., Морозова Е.М., Еремеев А.А. Биостратиграфическая характеристика голоценовых отложений местонахождения Грот Археологов: (Юж. Урал) // Геологический сборник. № 3: Информ. материалы. Уфа: ИГ УНЦ РАН, 2003. С. 92-98.

Яковлев А.Г., Данукалова Г.А., Яковлева Т.И., Алимбекова Л.И., Морозова Е.М. Биостратиграфическая характеристика голоценовых отложений местонахождения «Грот Ташмурун» (Южный Урал) // Геологический сборник. № 4. Уфа: ИГ УНЦ РАН, 2004. С. 101-105.

REFERENCES

[Archaeological Map of Bashkortostan]. М.: Nauka, Bolgar: In-t arheologii im. A.H. Halikova, 2014. S. 26-33.

Vorob'eva S.L. Nauchnyj otchet o provedenii razvedochnykh arheologicheskikh issledovanij v Gafurijskom rajone Respubliki Bashkortostan [Research report on conducting archaeological research in the Gafury district of the Republic of Bashkortostan] po Otkrytomu listu № 995 ot 01.08.2013 g. / Nac. muzej RB. Ufa, 2014-A. 237 s. // Arhiv IA RAN.

Garustovich G.N., Savelev N.S. Issledovaniya pamyatnikov epohi bronzy – rannego zheleznoogo veka v gornom techenii reki Beloj (k voprosu ob etnokul'turnykh relikhtah na Yuzhnogo Urale) [Research of sites of the Bronze Age and Early Iron Age in the mountain area of the White River (to the issue of ethnic and cultural relics in the South Urals)] // UAV. Vyp. 5. 2004. S. 93-118.

Gucalov S.Yu. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII-I vv. do n.e. [Ancient nomads of the Southern Urals from VII-I centuries BC] Ural'sk: Zapadno-Kazahstanskij centr istorii i arheologii, 2004. 136 s.

Gucalov S.Yu. Pogrebeniya III v. do n.e. prohorovskoj kul'tury na Ileke [Burials of the Prokhorov culture IIIrd century BC on the Ile] // Yuzhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: Sb. statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka / Otv. red. G.T. Obydenova, N.S. Savelev. Ufa: Gilem, 2006. S. 123-136.

Danukalova G.A., Yakovlev A.G., Morozova (Osipova) E.M., Eremeev A.A. Chetvertichnye otlozheniya shirotnogo techeniya r. Beloj (Yuzhnyj Ural) [Quaternary sediments from the latitudinal flow of the White river (South Urals)] // Fundamental'nye